

Наум Баттонс

Убей Зверя сам!...

Пьеса в двух действиях

16+

Наум Баттонс
Убей Зверя сам!..

«Автор»

2020

Баттонс Н.

Убей Зверя сам!.. / Н. Баттонс — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-04786-0

Памяти моих уже покойных близких людей, переживших немецкую оккупацию. Пьеса основана на их воспоминаниях. Она о том, что минувшая война была не просто Великой Отечественной, но ещё и продолжением Гражданской войны. Первое название пьесы: "Непримиримые". Это о нас с вами, ведь Гражданская война, несмотря на кажущиеся мир и покой, до сих пор всё ещё продолжается. Потому что Зверь всё ещё жив. Он живёт в нас! Он просто ждёт! Ждёт своего часа!

ISBN 978-5-532-04786-0

© Баттонс Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Действующие лица:	5
Действие первое	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Наум Баттонс

Убей Зверя сам!..

Действующие лица:

Николай Жирков: лейтенант Красной Армии. Летчик. 19 лет. Сбит во время воздушного боя. Ранен. В плену.

Василий Благушин: житель села Калиновка, поселковый староста, 56 лет. Арестант.

Яков Гринберг: комиссар местного партизанского отряда; бывший начальник НКВД по Белёвскому району Тульской области; задержан во время посещения деревни Уткино. Арестант. 48 лет.

Вера Гулидова: молодая крестьянка; 18 лет; у неё в гостях был задержан Яков Гринберг.

Сашка Мытарь: полицейский

Григорий Уваров: полицейский

Время и место действия: лето 1942 года. Территория оккупированная немцами: Тульская область, Белёвский р-н, д. Зайцево. До линии фронта около 10 км.

Действие первое

Крестьянский сарай, оборудованный под камеру заключения. Внутри остатки прошлого года сена. Достаточно темно. Из двух небольших окошек дневной свет плохо освещает помещение. В сарае находятся два человека. Они арестанты. Один мужчина, крепкого телосложения, среднего роста, уже пожилой. Ему на вид около шестидесяти лет.

Второй: совсем молодой человек в форме красноармейца. Он подстрижен практически под «ноль», уши оттопырены, от этого выглядит совсем как подросток. Петлицы сорваны, поэтому сразу не понять, в каких войсках он служил, и в каком звании состоял. У него повреждена нога и рана на правом боку. Состояние его удручающее, но молодой человек находится в сознании. Нога перевязана грязными бинтами. Он лежит на небольшой кучке сена. Пожилой мужчина сидит на полу в углу сарая и внимательно смотрит на молодого красноармейца, а тот, отвернувшись, молча смотрит в противоположную сторону. Каждый думает о чём-то своём. Благушин первый нарушает молчание.

БЛАГУШИН: Ндаа..., сынок, влип я из-за тебя по самые уши. И чёрт тебя дёрнул здесь летать! Ни разу не летали за целый год, а тут, на тебе.... Да ладно бы еще ас залетел, а то асёнка какого-то послали! Господи!.. Тоже мне, «сталинский сокол»! «Соколёнок» ещё неоперившийся, два шага до дистрофика, а его, видишь ли..., в бой! Какой вылет-то?

(Красноармеец не отвечает и продолжает молча смотреть в другую сторону)

Ну, не хочешь отвечать – не надо! Видать тайна это очень большая, военная.... Но, а звать-то тебя хоть как? Второй день с тобой вожусь, под расстрел, скорее всего, попал, а знать не знаю ради кого! Чего молчишь-то? Слышишь? Звать-то как?

(Красноармеец поворачивает к нему голову. Во взгляде чувствуется какая-то неприязнь и в то же время проскальзывает какой-то детский испуг и поиск защиты от надвигающейся большой несправедливости).

КРАСНОАРМЕЕЦ: Николай! Николай Жирков! Лейтенант Красной Армии!

БЛАГУШИН (с иронией): Лейтенант.... Коля, значит! Ну что же, лейтенант Коля, а я Василий Михайлович Благушин – староста местный! Ну, энтю, похоже, уже в прошлом! Так что можно просто – Василий! Возраст говорить не буду, потому что годы нам уже сравнивать ни к чему. Скоро Господь уравниет их.... Откуда ты, Коля?

НИКОЛАЙ: С Тулы....

БЛАГУШИН: Ну, почти земляк тогда! Лет-то тебе сколько?

НИКОЛАЙ: А вам то, что? Свои, поди, не назвали....

БЛАГУШИН: Мне-то? Мне-то, конечно, дела нет! Мне только одного хочется сейчас!..

(Василий делает паузу и внимательно смотрит на Николая. Тот, глядя в глаза, не выдерживает его взгляда).

НИКОЛАЙ: Чего тебе хочется?

БЛАГУШИН: Потом, может быть, скажу! Так лет-то сколько тебе?

НИКОЛАЙ: Девятнадцать в мае исполнилось.

БЛАГУШИН: Господи! Совсем дитя ещё! Родители-то есть? Живы?

НИКОЛАЙ: Мать жива.... Я надеюсь.... В Туле она.... А отец.... (Делает паузу и отворачивает голову от собеседника)

БЛАГУШИН: Что отец?

НИКОЛАЙ: Нету у меня отца! Был и весь вышел!

БЛАГУШИН: Погиб что ли?

НИКОЛАЙ: Не знаю..., но лучше бы погиб.... Враг он.... Народа нашего....

БЛАГУШИН (после небольшой паузы): Эх, хлопец! Много ли ты знаешь, чтобы судить так?..

НИКОЛАЙ (грубо): Достаточно! Раз посадили, значит не без веских оснований! Подлец он и враг! Шпион английский!.. Хотел наш завод оружейный взорвать!..

БЛАГУШИН: Английский, говоришь.... А я слышал, что англичане теперича союзники сталинские.... Ну, да ладно!.. Их там и сам Господь не разберет. Вчера враги, а сегодня друзья.... И, наоборот.... Вон прямо, как с немцами.... Но энто не нам решать.... Им там наверху виднее, с кем дружить, а с кем воевать.... Вот они и порешали....(небольшая пауза) Так..., он подлец значит, а ты хороший? Тогда может он не твой отец, а? В кого же ты тогда?

(Николай в гневе пытается привстать, но раны заставляют его со стоном упасть обратно на солому).

НИКОЛАЙ: Сын за отца не отвечает.... Разные мы!..

БЛАГУШИН: Да лежи ты! Чего так раздёргался? Разные, так разные. Спорить не буду, хоть и сомневаюсь.... Ибо не бывает такого, чтобы сын и отец разными были.... Ты что, отказался от него?

НИКОЛАЙ (стонет от боли, но на вопрос всё равно отвечает): Да! Да! Да! Отказался! Чего в душу-то лезешь? Сам-то, кто такой? Я так понимаю, что и ты, дядя, недалеко от моего отца ушёл! За сколько Родину продал? За курицу? За поросёнка? Прихвостень фашистский!..

БЛАГУШИН (спокойно, с какой-то загадочной улыбкой в усах): А я, сынок, Родину не продавал....

НИКОЛАЙ: Ага! Это ты потом, на народном суде расскажешь.... Знал бы я в лесу, кто подобрал меня....

БЛАГУШИН: И, что бы тогда? Тебе даже пистолета с собою не дали, а что про народный суд, то ты про него даже не фантазируй! Завтра шлёпнут нас с тобой без суда всякого, а там (указывает пальцем в потолок), там судить по другим законам будут.... Там мы с тобой, каждый за своё ответит: я за своё, а ты за своё. (Делает паузу). Только, вот почему-то кажется мне, что ты, комсомольчик, там, в проигрыше окажешься, несмотря на то, что прожил меньше меня на тридцать шесть лет. Но, шанс человеком умереть, и в образе человека на тот Суд явиться, всё-таки у тебя ещё пока есть.

НИКОЛАЙ: Ты эту поповскую ересь своим полицейам проповедуй, а я в это мракобесие не верю! Суд.... Нету там Суда никакого.... Нету! Не верю!

БЛАГУШИН: Да что ты?.. А вот товарищ твой, Сталин – он верит! Ей Богу, верит! Ибо, как тут, во время такое ужасное, когда всё и вся на волоске висит от гибели, человеку в Бога-то не верить? Или в дьявола...

НИКОЛАЙ: Слушай, дед! Если бы не ранен я был, я бы тебя сейчас собственными руками задушил! Зубами бы в горло впился! Ты, имя товарища Сталина не марай словами своими! Ты, Родину предал, которая за товарища Сталина кровью умывается, борясь с этой гадиной немецкой! Ты хоть и постарался спасти меня, хоть и пострадал за это – но это не умаляет предательства и измены твоей. Сколько ты фашистов накормил досыта? Скольким ты приют в своём доме дал? И откуда ты знать можешь, что товарищ Сталин в Бога твоего верит?

БЛАГУШИН (ухмыляясь): Ну не знаю, как в моего Бога или нет, но в какого-то всё-таки он верит! В Сатану, скорее всего! И не просто верит.... В Сатану все верят, даже те, кто в Бога не верят. Служат Ему не все. Вот ты, например, веришь в Сатану? Ну, хотя бы, глядя на всё вокруг творящееся, глядя на судьбу свою и мою – не отвергаешь его существование?

(Благушин с интересом наблюдает, как Николай борется сам с собой, в попытке решить, продолжать этот разговор или нет).

БЛАГУШИН: Да ты успокойся! Давай поговорим! Жаль, что покурить нечего, да и грамм по двести под разговор этот неплохо бы было. Но, что делать.... Нам немного осталось, и поверь, что не враг я сейчас для тебя.... Да, никогда им и не был.... Это всё Сатана так устроил, что люди русские между собой, как волки жить стали и дети от отцов отрекаются. Ну, есть Сатана или нет? Как считаешь?

НИКОЛАЙ: Я смотрю на тебя, Василий, и думаю, что есть! Такие, как ты и немцы эти, и Гитлер ихний – вот, если есть Сатана, то в вашем образе он здесь и появился. А товарищ Сталин – он жизнь нам дал хорошую! Вольную! А дальше бы, если бы не такие, как ты и хозяйева твои немецкие, мы бы ещё лучше жили.... Всё у нас было для этого!..

БЛАГУШИН: У вас – это у кого?

НИКОЛАЙ: У всего советского народа!

БЛАГУШИН: А я разве не часть этого народа? И скажи мне, пожалуйста, а почему одна часть народа в обществе, так сказать, самом справедливом и социалистическом, должна жить и иметь все перспективы счастливой жизни, а другая: с голоду пухнуть и в Сибири пропадать?

НИКОЛАЙ: Если враг не сдаётся – его уничтожают!

БЛАГУШИН: Во как! Согласен! Только вот я что-то не знал, что два брата моих старших, а у них у обоих семеро ребятишек было, плюс жены их – врагами народа советского были. Жили, поле пахали, скот выращивали, не пили, трудились день и ночь, а потом пришли эти белевские НКВД-шники, всех на телеги и в Белёв. А оттуда – неизвестно куда. С тех пор не слуху, не духу! Кулаки они, видите ли.... Чем они так твоему товарищу Сталину не угодили? И ладно, взрослые.... А детишки-то чем? Вот твои родители – кто были, что твою мать пожалели, тебя пожалели, а только отца забрали?

НИКОЛАЙ: Мать – домохозяйкой была. Со мной и с сестрой моей сидела. А отец инженером был на тульском оружейном. В партию затесался....

БЛАГУШИН: Не надо, Коля! Не надо! Не знаешь ты ничего, чтобы отца родного осуждать! Ты отцу не веришь, а гнидам этим из душегубных органов – веришь?

НИКОЛАЙ: Смелый ты, дед, я посмотрю! При немцах-то.... Органы-то наши грязью поливать....

БЛАГУШИН: А я не перед немцами.... Я перед смертью теперь уже смелый стал. Смерть она, когда шепчет на ушко, что пришла – она любого русского очень храбрым делает. А вот ты, Коля, русский человек, или советский?

(Возникла небольшая пауза. Николай опять задумался, а Благушин не стал ему мешать).

НИКОЛАЙ: Я..., я – советский! Меня Советская власть вырастила, образование дала, воспитала....

БЛАГУШИН: Отца убила....

НИКОЛАЙ (в гневе опять пытается встать и дотянуться до Благушина, но опять со стоном падает): Заткнись! Слышишь?! Заткнись! Тебе-то, что до отца моего?! Враг он был! Ты, слышишь? Враг!.. За то и поплатился! И смотрю я на вас, предателей Родины своей, и думаю: прав был товарищ Сталин! Ох, как прав! Много вас, скрытых вражин, сидело по городам и деревням! Вот вы себя и показали!.. Как только враг пришёл, все повывлезали и служить ему бросились!..

БЛАГУШИН (подходит к Николаю и, внимательно глядя ему в глаза, приседает прямо перед ним на корточки. Долго смотрит на него. Николай немного теряется от такой реакции Благушина, но затем начинает ругаться с новой силой).

НИКОЛАЙ: Чего выставился-то? Не нравится, правда-то? Убить хочешь? Так давай, недобиток кулацкий! Чего ждешь-то? Выслужись! Может, простят тебя фашисты! Сколько ты уже убил-то людей советских? Небось, руки-то по локоть в крови женщин, да детей невинных! Давай, прихвостень фашистский, убивай!

БЛАГУШИН (спокойно): А вот у меня такой же, как ты сын, сейчас где-то в Красной Армии. Как в июне прошлого года забрали, так ни слуху о нём, ни духу! Я ведь когда увидел, как немец сверху твой самолёт к лесу жмёт, думал: ну вот, не моё это дело, сбитых летчиков по лесу выискивать. И тут, словно бес, какой в меня вселился. Одна часть моя говорит: ступай дальше по своим делам, а бес, наоборот, иди, говорит, в лес, найди большевичка и немцам сдай. А потом тебя увидел и Леньку, сына своего, вспомнил. Думаю, что может, лежит сейчас так же

раненый, где-нибудь, а такой же, как я, стоит и думает: немцам сдать, пристрелить или помочь? Ну, вот помочь тебе, к сожалению, не вышло. Думал, что смогу тебя спрятать незаметно, да Сашка Мытарь увидел меня, как я тащил тебя в сарай свой. А ты ж ведь, сынок, смерти-то не хочешь! Боишься её! Ибо её все боятся. Ты же, когда ещё не знал, кто я, плакал у меня на плечах, просил: дяденька, спаси Христа ради! Что, забыл? Ты уж прости, что не получилось у меня....

НИКОЛАЙ (отведя взор): Да ладно, дед! (После небольшой паузы) Нам, похоже, вместе смерть принимать. А что, семья-то есть у тебя?

БЛАГУШИН (встает с корточек и отходит обратно в свой угол): Семья-то – есть! А как же без семьи-то? Жена, да четверо детишек. Это те, которые здесь остались и старший.... Про которого говорил уже.

НИКОЛАЙ: А чего с ними будет-то теперь? Эти душегубы не пощадят никого!..

БЛАГУШИН: Да не это страшно! Не тронет их никто.... А вот без кормильца остаться сейчас – вот это беда настоящая! Ты думаешь, почему я в старосты пошёл? От жизни хорошей? Меня немцы назначили, так как грамотный я, опыт работы в колхозе имею, уважением пользуюсь среди народу нашего. При мне здесь ни одну бабу не обидели и ни одного ребёнка. Все работают.... А как без работы-то?

НИКОЛАЙ (раздражённо перебивает): На фашистов работаете! А они нас потом на фронте тысячами убивают. Вот сын твой – дай Бог, чтобы жив был, воюет против гадов! А вы тут!..

БЛАГУШИН: А что же дети малые, с голоду должны помирать? Бабе-то, матери, ей всё равно, чья власть-то! Ей бы главное, чтобы дитя её живо и здорово было! А там Сталин или Хитлер: хрен редьки не слаще!

НИКОЛАЙ: Ты опять за своё?! Не смей имя товарища Сталина марать так: с Гитлером его сравнивая!

БЛАГУШИН (не обращая внимания на слова Николая): Они там до войны в дёсны целовались, а теперь: два бандюги подрались.... А детям, что, с голоду из-за них пухнуть? Немцы, когда пришли, никого не тронули. Ни одной бабы, ни одного ребёнка! Да, что их! Я, в Гражданскую с Деникиным воевал, ранен был...., красноармеец, и ничего.... В старосты назначили.... А вот на сталинские прелести, я, что до войны насмотрелся, то и теперь.... Мороз по коже!.. Немцы нас в Сухотчево возили.... Там ваши, красные, немцами переодевшись, такое устроили.... Командовал ими, как выяснилось, некто Яшка Гринберг. Я этого кадра ещё до войны знаю. Белёвский НКВД возглавлял. Там почти одни евреи до 38-го года были. А потом усатый их всех в запас отправил....

НИКОЛАЙ: Посадил что-ли?

БЛАГУШИН: Если бы!.. Сейчас бы сухотчевские бабы, да ребятишки живы были. Ванька да Лёнька Носовы живыми остались с той мясорубки.... То ли Бог спас, то ли душегубы специально оставили, чтобы свидетель зверств немецких был, не суть.... В общем, повезло мальчикам....

НИКОЛАЙ: А с чего взяли, что там этот Яшка был?

БЛАГУШИН: Так это потом уже немцы взяли одного партизана, который там, в этом во всём участвовал. Они же тоже заинтересованы были в том, чтобы на них напраслину не гнали.... Ну, тот хлопец и признался, что они тогда Сухотчево вырезали и дома пожгли. Отряд специальный НКВД, в форму немецкую одетый, из-за линии фронта приходил. Сам знаешь, что она недалече отсюда будет. Вот он, про комиссара партизан, который и сопровождал отряд этот, рассказал. Я как услышал фамилию-то его, сразу вспомнил хорька этого. Он братьев моих с сестрою, да с ребятишками малыми в обозы сажал. Сидит эта тварь на коне, а Нинка, жена брата моего, ему в ноги вцепилась.... Орёт, плачет, пожалеть просит.... Но, неет! Он её ногой оттолкнул, да как гаркнет: садись, мол, в телегу сука кулацкая, а то пристрелю на

месте и тебя, и мужа твою, и детишек постреляю... Раньше думать было надо, когда вредили Советской власти!

НИКОЛАЙ: Врёшь ты, дядя! Не могут красные, советские партизаны зверства творить! Ещё раз убеждаюсь: контра ты недобитая! Мне помочь старался – признаю! Но вот слушаю тебя, а цели твои для меня непонятны. Зачем спасти хотел? Думал, преступления твои спишутся, когда наши придут?

БЛАГУШИН (перебивает его): Да не совершал я никаких преступлений! Всё моё преступление, что я баб и детей, в оккупации брошенных, от голодной смерти спасаю, да хфиннам на растерзание не даю....

НИКОЛАЙ: Каким финнам?

БЛАГУШИН: Да стоят тут в Уткино, расквартированные. Вот эти – звери! Мстят якобы Сталину, а на самом деле на русских бабах и детях отыгрываются. Здесь недавно картину вижу в Мишенском посёлке. Это от нас недалече, к Уткино принадлежит. Слышу рёв и причитания бабы на всю округу стоят. Ну, побежал. Вижу хфинн энтот, идёт в сторону Бобриков и младенца годовалого за ноги вниз головой держит. Тот орёт, мамаша его тоже.... За хфинном энтим бежит, причитает, ребёнка отобрать пытается. А тот, ногу ребёнка отпустит одну, руку освободит, ей по морде вмажет и дальше идёт. Та подымается и опять за ним.... Я прикидываю, куда энтот хфинн идёт.... (делает паузу).

НИКОЛАЙ: И куда?

БЛАГУШИН: К колодцу шёл он! Благо до колодца-то энтото еще метров пятьсот-семьсот было.... Я соображаю, что делать надо. Сам-то не могу на военного напасть, так я в избу к Митрохиной заскакиваю, она крайняя в посёлке, а там немец живёт.... Медицинский ихний оффицер.... Я к нему.... Мол, нерр офицер, аларм! Хелфен битте! Киндер гетотен! Он выскочил на улицу, как раз и хфинн мимо него идёт! Немец ему в морду сходу кулаком. Тот на землю. Ребёнка матери отдал, а того ещё ногами попинал, ругаясь при этом по-немецки.

НИКОЛАЙ: А за что он ребёнка то утопить в колодце хотел?

БЛАГУШИН: Так спать мешал....

НИКОЛАЙ: Звери!

БЛАГУШИН: А кто сейчас не звери-то? Все уже зверьми стали, как Сатана на Руси к власти пришёл. Знаешь, как выглядит Сатана энтот?

НИКОЛАЙ (с любопытством, не чувствуя подвоха): Как?

БЛАГУШИН: Такой сухоручка, весь в оспинках, роста маленького и усы носит. Сам грузин, или еврей, черт его разберёт, а русскими правит. И так их околдовал, так запугал, что они за него идут погибать безропотно. Кто по умней был, али прозрел кто, тот немцам сдался....

НИКОЛАЙ (опять в гневе): Ты что ль, дед, опять на товарища Сталина?.. Ты меня этой агитацией вражьей не проймёшь! Не доводи до греха, дед, а то ползком доберусь и в горло твоё зубами вцеплюся....

БЛАГУШИН: Ишь какой! Как тебе тоже Сатана энтот мозги промыл!.. А знаешь, почему он псевдоним-то такой взял – Сталин?

НИКОЛАЙ: Чую, дед, что опять подвох контрреволюционный в твоём вопросе есть, но любопытно мне всё же! Я-то знаю ответ: от слова «сталь» псевдоним энтот. А теперь давай, что там контрики недобитые говорят про это?

БЛАГУШИН: А контрики эти говорят, что был такой колдун в давние времена, в Германии в той же. Умел он бури, градобития, ураганы и другие всякие разрушающие силы вызывать и на людей обрушивать. Так в одной книге древней написано было. Не помню, как называлась, но что-то про ведьм и колдунов. Я сам-то не читал. Это наш местный священник Григорий, Царство ему Небесное (крестится), рассказывал аккурат перед самой коллективизацией.

Так вот звали его – Сталин. А энтот, наш Сталин, тогда еще фамилию грузинскую, настоящую имел, ей Богу – не помню какую, так вот, он в духовной семинарии в молодости обу-

чался. Наш священник-то и говорил, что должен был он эту книжку самую читать. И ещё говорил, что вот этот самый колдун Сталин сейчас в этого воплотился и ничего, кроме бурь, разрушений и бед всяких, народу русскому он не принесёт. Вот так и получилось! Священника нашего, Григория, Яшка Гринберг собственноручно при всём честном народе пристрелил, когда тот пришёл анафеме его и его подчиненных предавать, за мужиков высылаемых и детишек их заступаясь. И, что? Думаешь, наказали Яшку этого? Как бы ни так! Орден дали и в запас! Я всё Бога молю, чтобы встретить тварь эту сейчас.... Но, теперь, видимо, только на Том Свете увижу!

НИКОЛАЙ: Врешь ты всё! Не могут органы наши такими преступлениями заниматься! Это же не немцы! Ты хоть и выгораживаешь их, хозяев своих новых, но у тебя к этому свой интерес. А нам политрук рассказывал, какие они нелюди, немцы эти! В газетах наших такое про них пишут.... Хочется душить их голыми руками.... И всех (недобро смотрит на Благушина), кто служит зверям этим!

БЛАГУШИН: У немцев приказ есть.... Нам его зачитывали.... Не мародёрствовать, местных жителей не обижать, жить в хатах мирно и по возможности бабам нашим в хозяйстве помогать. В случаях мародёрства, насилий там всяких необоснованных, велено обращаться с жалобой к командованию их и виновных судить будут по всей строгости военного времени. Вот так вот, сынок! И ладно если бы этот приказ только на бумаге был.... Я сам жалобу в комендатуру подал на двух солдатиков, что Нюрку Крюкову по пьянке чести лишили и убили потом.... Так их немцы сами расстреляли перед строем.... С тех пор – тишина в округе! Если бы партизаны воду не мутили, вообще бы мы вашу Советскую власть сатанинскую и не вспоминали бы. А из-за них – и немец лютует.

НИКОЛАЙ: Похоже, что партизаны-то жизни спокойной не дают вам и хозяевам вашим? И это правильно! Бить врага в тылу – так товарищ Сталин и партия нас учит! Везде..., чтобы земля под ними горела!

БЛАГУШИН: Если бы они врага били.... Они-то в лесу сидят, за линию фронта радиogramмы шлют, про то, как славно они тут немцам житья не дают. А не дают-то только своим... – русским. В лесу-то жрать и пить чего-то надо! Вот они местное население, ещё похуже немца обируют. А немцам вредят, так себе... – относительно. То избу крестьянскую подожгут, в которой немцы останавливались, то вот коровник колхозный спалили со всей живностью, что там была. Сами на гадости эти из леса не выходят, а вот мальцов беспризорных, да девок посылают. Что б Яшка Гринберг сам куда-то вылазку сделал? Против немцев, которые подстрелить ненароком могут? Да не в жизнь не поверю! Эта категория паскуд ещё та!.. Всё чужими руками! Я уже про Сухотчево тебе говорил. Вот тут такие, как он – мастера: Родину и народ защищать! А немец-то лютует не против нас, а против тех же детишек бездомных! Теперь, ежели поймают мальчика какого, а родителей нету – не церемонятся! В расход пускают моментально.... Страшно за них! Ведь сдуру детки-то гибнут, а энти Яшки в лесу самогон пьют и радиogramмы шлют с отчётами.

НИКОЛАЙ: Страшные вещи ты, дед, рассказываешь! Не укладывается это в моей голове! Отказывается она верить, что человек на такую подлость способен! Это же вне всякой логики и морали человеческой – преступления такие, что комиссар партизан, заслуженный чекист, вытворяет. Не верю я тебе, дед! Не верю!

БЛАГУШИН: Да уж поверить сложно! Я когда услышал, что Сухотчево всё вместе с жителями сожгли, тоже чуть с ума не сошёл. Тут все родня друг другу. Все друг друга с детства знают. Ванька с Лёнкой Носовыми прибежали.... На них смотреть страшно.... Это за что такое детство русским ребятишкам выпало? Ужасы такие смотреть, как твою мать сжигают заживо! И кто сжигает? Свои, как потом выяснилось! А сначала ненависть-то закипать к немцам начала. На это Яшки-то и рассчитывали. Чтобы усатый палач дитём невинным казался по

сравнению с Хитлером-то энтим. Слыхал я, что такие операции партизаны по всей тульщине устраивали.

НИКОЛАЙ: Что, местные своих же земляков жгут и убивают? Дед! Хватит фашистскую сволоочь выгораживать! Не пойму я тебя! Тебя расстреляют они завтра, как собаку, а ты продолжаешь защищать нелюдей этих!

БЛАГУШИН: Если бы местные.... С ними мы быстро разобрались бы. Из местных только там Яшка Гринберг был, да ещё пара выродков, бывших энкэвэдэшников. Да и Яшка-то: какой он местный? Жидок, в самом худшем смысле этого слова.... А у таких местности родной не бывает.... Мы для них, что овца для нас.... Расходник.... Ох, повстречать бы энтого Яшку.... Ответил бы он мне за всё.... Так вот.... Яшка и ещё пара мерзавцев диверсионный отряд из-за Оки встречали и сопровождали. После того, как сделали они своё дело чёрное, те опять за Оку ушли, а энти обратно в отряд. По дороге на немцев нарвались. Яшка-то и ещё один ушли, а третьего немцы-то раненым взяли. Не спасают жидки энкэвэдэшные своих раненых! Бросают! Они только одно ценят: жизнь свою! Да Родину любить учат у себя в застенках, когда ты, к стулу привязанный сидишь, а он тебе сигаретку горящую, в морду тычет и орёт: не любишь Советскую власть, паскуда! Я тебя научу!

(Николай слушал Василия уже более спокойно и даже с каким-то нескрываемым интересом)

НИКОЛАЙ: Мать мне один раз тоже сказала, что с отцом всё не так просто. Её к нему не пускали и передач не принимали. Он сознался примерно через неделю после ареста во всём. Я тогда не придал значения – почему так быстро, а вот сейчас слушаю тебя и начинаю понимать. Только зачем это органам надо? Зачем людей невинных понапрасну губить, мучить, пытаться? Ведь эти люди, если они невиновны, могли бы жить и приносить пользу: стране, народу, партии, Сталину.... Зачем? Это ведь вне всякого человеческого понимания! Вне морали! Вне совести! Вне всего человеческого, того, что делает человека – человеком.

БЛАГУШИН: Так там и не люди.... Они себя так называют.... И выглядят так же.... И с каждым за стол сядь за бутылочкой – душа-человек будет.... И анекдоты станет тебе рассказывать, и шутить, и песни со всеми петь, и выпивать со всеми, и целоваться с тобой будет.... И душу ему откроешь.... А он тебя потом в своём подвале папироской в морду.... Не нужны на Руси счастливые люди были раньше, а теперь, и подавно.... Преступление это на Руси – счастливым быть!

НИКОЛАЙ: Ну почему, дядя?

(Тон Николая уже стал изменяться на более дружелюбный, мирный и даже немного уважительный)

Почему? Ведь сам товарищ Сталин говорил, что жить нам стало лучше, жить стало веселее! И, ведь действительно! Ты посмотри, как перед войной мы жили!.. Ведь всё в магазинах было..., везде порядок, чистота, мир...

БЛАГУШИН: И у отца твоего тоже жизнь сложилась? Ведь тоже наверняка радовался жизни-то столь хорошей и мирной.... Покуда, не пришли за ним.... И для матери твоей, наверняка, жизнь-то та прекрасная в одну ночь оборвалась.... А для братьёв моих, жён ихних, да детишек?.. Если честно, то она для них никогда сладкой и не была.... Пахали день и ночь, а их за то – в Сибирь, на смерть верную.... А вы все смотрели, что бесы эти в деревнях творили, как тут люди с голоду пухли, чтобы вас в городах кормить, и ничего.... Не ваше энто дело! Вас не касалось! Товарищ Сталин вам сказал, что жить вам веселее стало!.. На чужой крови.... Только это не чужая кровь.... Это вашу кровь Яшки Гринберги реками лили, а вы радовались.... Ибо, кровь наша русская – она одна на всех.... И вот сейчас они её реками льют на фронтах, шкуру свою спасая! Думаешь, они Россию спасают эти Сталины, да Яшки Гринберги? Неет, сынок! Они свою шкуру спасают, власть свою звериную, людоедскую, с которой ни один Хитлер по своей жестокости сравниться не может.

НИКОЛАЙ: Да хватит уже Гитлера выгораживать!.. Зверь это... Не мы к нему войной пришли – а он к нам! Да, наверное, ошибки и перегибы где-то были! Может, кого и по ошибке посадили... Или расстреляли... Классовая война, как товарищ Сталин сказал, только усиливается... И среди Органов тоже враги сидели и специально невинных губили... Но и с ними, пришло время, тоже разобрались...

БЛАГУШИН: Я вижу, как разобрались! Ещё раз скажу, что если бы разобрались, или хотели бы разобраться, то Сухотчево сейчас бы целое было... Неет, сынок! Душегубы любой власти нужны! Именно для этих целей и нужны! А уж Советская ваша власть без них – всё равно, что рыба без воды! Как только, если душегубство ослабнет вдруг, так и власти этой – конец скоро придёт!

(Возникает пауза. Каждый думает о чём-то своём. Николай первый нарушает молчание).

НИКОЛАЙ: А он мне приснился за пару дней до этого вылета...

БЛАГУШИН: Кто?

НИКОЛАЙ: Отец мой... Лицо его избитое всё... В крови... Я к самолёту иду, а он мне навстречу... Я испугался... А он мне говорит: «Чего боишься, сынок? Не бойся меня! Я же тебя люблю и всегда любил! Ты же единственный сынок мой! Надежда моя!».

А я ему в ответ: «Не боюсь я тебя вовсе! Что ты делаешь здесь? Тут не положено тебе ходить. Тем более, в виде таком! Тут вообще гражданским не положено! Уходи, а то опять тебя арестуют, как шпиона немецкого!».

(Николай замолкает. Глаза его увлажняются. Он закрывает лицо руками и начинает тихо, немного поскуливая и подвывая по-детски плакать. Василий опять подходит к нему, по-отцовски обнимает его голову и жалеет).

БЛАГУШИН: Ну, сынок. Успокойся! Ты же воин... Воин Красной армии... Лётчик! Сокол!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.